
звездный тандем российского детектива

Читайте романы мастеров закрученного сюжета Анны и Сергея Литвиновых:

Осколки великой мечты
Быстрая и шустрая
Даже ведьмы умеют плакать
Кот недовинченный
Красивые, дерзкие, злые
Боулинг-79
Пальмы, солнце, алый снег
Наш маленький Грааль
Внебрачная дочь продюсера
Ревность волхвов
Ideal жертвы
Золотая дева
Я тебя никогда не забуду
У судьбы другое имя
Та самая Татьяна

Сериал «Авантюристка»

Отпуск на тот свет
Все девушки любят бриллианты
Проигравший получает все
Второй раз не воскреснешь
Предмет вождения №1
Оскар за убийную роль
Дата собственной смерти
Парфюмер звонит первым
SPA-чистилище
Вояж с морским дьяволом
Биография smerti
Девушка без Бонда
Три последних дня

Сериал «Спецкор отдела расследований»

Эксклюзивный грех
Рецепт идеальной мечты
Коллекция страхов прет-а-порте
Ледяное сердце не болит
Одноклассники smerti
В Питер вернутся не все
Через время, через океан
Небесный остров
Несвятое семейство

Сериал «Агент секретной службы»

Звезды падают вверх
Пока ангелы спят
Прогулки по краю пропасти
Трансфер на небо
В свободном падении
Она читала по губам
Вспомнить будущее

Сериал «Паша Синичкин, частный детектив»

Заговор небес
Дамы убивают кавалеров
Бойся своих желаний

Сериал «Сага о любви и смерти»

Черно-белый танец
Предпоследний герой
Печальный демон Голливуда

Сборники детективных рассказов:

Любовь считает до трех
Все мужчины любят это
Миллион на три не делится
Плюс-минус вечность
Половина земного пути
Золотой песок времени

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

звездный тандем российского детектива

**НЕСВЯТОЕ
СЕМЕЙСТВО**

ЭКСМО

Москва

2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Л 64

Оформление серии *С. Груздева*

Литвинова А. В.

Л 64 Несвятое семейство : роман / Анна и Сергей Литвиновы. — М. : Эксмо, 2013. — 320 с. — (Звездный тандем российского детектива).

ISBN 978-5-699-66326-2

Журналист Дима Полуянов не терялся в самых сложных ситуациях. Но конфликт с главным редактором родной газеты, грозивший увольнением, буквально выбил его из колеи. Подруга Надя предложила взять тайм-аут и отправиться в отпуск в Италию, на модную экологическую ферму. Там Надя, не избалованная мужским вниманием, неожиданно для себя стала объектом интереса красавца-актера Романа Черепанова. Более того, он отыскал ее и в Москве — явился прямо на работу с огромным букетом белых роз! Очаровал изысканными ухаживаниями и заинтересовал деловым предложением: вложить деньги в его необычный бизнес — театральный туризм. Надя уже готова была снять со счета свои многолетние сбережения, когда вышла статья, после которой девушка внесла номер Романа в черный список. А потом столицу потрясла новость о гибели молодого талантливого актера!

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Литвинов С.В., Литвинова А.В.,
2013

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-66326-2

ПРОЛОГ

На это убийство обратили внимание многие.

В нем было нечто странное, нелогичное. Большинство читателей газет и зрителей ТВ просто *почувствовали* мимолетно эту внутреннюю противоречивость преступления, однако спустя секунду уже выбросили ее из головы и кинулись пожирать новые сводки о том, что еще случилось в мире диковинного, ужасного и загадочного. Тем паче что мир был большой и весь оцифрованный и в нем постоянно происходило множество жутких, забавных и отвратительных событий.

Немногие аналитики — в их числе следователи, опера, частные сыщики, криминальные репортеры — поняли тем не менее, что разноречащего и неловкого имелось в преступлении.

Во-первых, необычной оказалась личность жертвы. Работников телевидения в нашей столице убивали, слава богу, нечасто. А если они вдруг становились жертвами, то ими были высокие руководители, имевшие прямое отношение к финансовым потокам. С другими тружениками ТВ если расправлялись, то по мотивам, традиционным на Руси, то есть на почве ревности, мести или по пьянке.

Однако на сей раз пострадавшей стала женщина, занимавшая высокий пост, но деньгами не рулившая. Ее похороны не освещались широко газетами и тем же телевидением (как это бывало, когда уходила звезда) — однако в них принимали участие все, кто что-то значил в профессии, от Эрнста и Добродеева до звукорежиссеров и операторов. Ничего удивительного, ведь убита была продюсер, автор, главный редактор и режиссер многих популярных программ, четырежды лауреат профессиональной премии ТЭФИ Елена Постникова.

Вторая странность *мокрого дела* заключалась в том, что оно, с одной стороны, имело все приметы преступления заказного: жертву подкарауливали у подъезда ее дома; очевидно, киллер (или киллеры) предварительно тщательно изучил и хорошо знал распорядок дня и привычки женщины. Но убийцы воспользовались не пистолетом, автоматом или обрезом охотничьего ружья. Нет! Душегубец (что крайне необычно в подобных обстоятельствах) использовал нож. Он встретился с Постниковой лицом к лицу и нанес ей четыре удара в область сердца. «Скорая» прибыла оперативно, однако пострадавшая скончалась по дороге в больницу.

Итак, следствие начиналось, по меньшей мере, с двух недоуменных вопросов — почему Постникова и почему нож?

И только человек пять-шесть в стране догадывались, что произошло.

Журналист Дима Полуянов и его подруга Надя Митрофанова знали это почти со стопроцентной уверенностью.

Но, конечно, как ведали и о том, с каким другим убийством было сопряжено это и почему.

А в точности о том, что и почему случилось, ведал лишь один человек — убийца.

ГОДОМ РАНЕЕ

Девушка сидела на подоконнике. Худенькая шейка, золотистые распущенные волосы, точеный овал лица. И — безучастный, без огонька, без единой мысли взгляд.

Мать подошла, произнесла осторожно:

— Аленка!

Девушка повернула головку, но видно было: не узнает. Нервно обхватила себя ручками, отодвинулась. С подоконника на пол шлепнулась тетрадка. Мама скосила глаза, прочитала, вздохнула: как обычно. Бессвязный поток слов: *река цветы роза мороз синь одна кремний лодка.*

Врач, впрочем, учил:

— Пограничное состояние не всегда означает полное отключение от реальности. Нам с вами нужно цепляться за любой проблеск жизни, за крошечную мысль в ее глазах.

Но сейчас во взгляде девушки читался лишь ужас.

— Весна, Аленка, — робко произнесла мать. — На клумбе цветы твои любимые распустились...

Молчит. Отодвинулась от нее еще дальше.

— Помнишь, как называются?

В глазах девушки что-то дрогнуло. Неужели показалось?

— Я очень жду, чтобы ты вернулась домой, Аленушка, — тихо произнесла мама.

Та — слабенько, еле-еле — в ответ улыбнулась. На мгновение подалась к ней — а потом резко отпрянула. Уперлась спиной в оконное стекло. А потом быстрым движением вскочила на ноги — и из всех слабеньких сил ударилась в окно головой.

Мама — безотчетно — ждала звона осколков. Но окна в клинике были непробиваемые.

Алена снова, будто раненая птица, врезалась в стекло.

Женщина в отчаянии отступила.

В комнату уже спешил врач, на ходу вскрывая ампулу. Мимоходом бросил несчастной матери:

— Не волнуйтесь. Приступ сейчас купиреуем.

И Алена, спустя минуты после укола, успокоилась. Снова вернулась в свою безучастную раковину.

— Неужели она останется такой навсегда? — в отчаянии спросила женщина у врача.

Тот натянуто улыбнулся:

— Нет. Что вы! Конечно, нет. Мы вытянем ее.

Мать девушки с надеждой смотрела в его лицо. Но доктор жестко добавил:

— Приступы закончатся. Но такой, как прежде, она уже не станет. Ни при каких обстоятельствах. Слишком тяжела для нее была травма.

* * *

В Ла Скала на лимузинах мало кто ездит. Прогрессивные люди добираются до театра на мотоциклах. Луиза считала, что это — тоже часть спектакля: когда подруливает мощный «чоппер», за

рулем пожилой джентльмен в смокинге, позади — преклонных лет дама в дорогом шелковом платье. Снимают оба шлемы, приглаживают волосы — и пошагали слушать «Манон». Причем далеко не бедные ведь старички, арендуют на весь сезон ложу бенуара, с легкостью заказывают шампанское по двадцать евро за бокал. Но тратиться на такси или тем паче на представительский автомобиль никогда не станут.

Сама Луиза — в сорок три года! — тоже освоила мотоцикл. Какой смысл трепать себе нервы в трафике и часами искать парковку?

В Ла Скала она (хотя жила в окрестностях Милана) выбиралась нечасто. Времени, да и денег на светскую жизнь не имелось. Но сегодня — впервые за десять лет! — в Италию приехала ее давняя подруга, и Луиза пригласила ту послушать «Манон».

...Встретились у театра. Приятельница восхищенно осмотрела мотоцикл, Луизино нарядное платье. Тепло улыбнулась:

— Ты неподражаема! Настоящая итальянка!

Луиза расцеловала подружку. Искренне произнесла:

— Я очень рада тебя видеть!

По-европейски незаметно ту оглядела. Смотрелась гостья из Москвы неважно. Бледная, глаза, как у собаки породы сеттер: преданные и грустные. Даже модный костюм и высокие каблуки положения не спасали.

«Совсем плохи, наверное, дела в России».

— Побежали! — улыбнулась Луиза. — Второй звонок уже был.

Хотя звонков в прямом смысле слова в Ла Скала не имелось — вместо них люстры сигналили. Два раза потухнут-зажгутся — соответственно, второй.

Дамы поспешили в свою ложу — номер семь, в бельэтаже.

— Хорошо бы на первый ряд никто не пришел! — мечтательно произнесла приятельница.

Луиза улыбнулась:

— Первый ряд — у нас.

— С ума сойти! — ахнула подруга. — Это же шестьсот евро! — Смутилась: — У меня с собой столько нет..

— Брось, — отмахнулась Луиза. — Я угощаю!

Хотя билетки на премьеру (главную партию исполняла Анна Нетребко) ударили по карману изрядно.

Луиза, пусть и была супругой итальянского графа, денег у мужа не брала. Тот прижимист оказался, а уж траты на оперу считал совершенным излишеством. Но, к счастью, супруг не стал препятствовать, когда *русская жена* решила основать в Италии собственный бизнес. Необычный, перспективный, но очень трудоемкий.

Туристы, полагала Луиза, давно уже пресыщены. Устали от традиционных отелей, ресторанов и экскурсий. Чем их привлечь? И открыла в изрядно обветшавшем замке мужа — экологическую ферму. Держала овец, гусей, лошадей, выращивала овощи, клубнику, фрукты, шампиньоны в подвале. Натуральное хозяйство практически. Гостям, которые приезжали на отдых, предлагала чистый воздух, деревянные домики, йогу на рассвете (пре-

подавала сама), пиццу из собственной дровяной печи, домашний козий сыр и прочие природные радости.

Доход дело пока приносило скромный, сил отнимало изрядно, но Луиза умела во всем находить свои плюсы. И каждый день благодарила вселенную за то, что ей не надо ходить в офис, постоянно лавировать и унижаться (как когда-то в России) или выпрашивать деньги у мужа. И что гости, в большинстве своем, оказывались доброжелательными, порядочными, интересными людьми.

— Получается у тебя с твоей фермой? — с искренним любопытством поинтересовалась подруга.

— Кручусь, — улыбнулась в ответ Луиза.

Еще раз взглянула в бледное, почти изможденное лицо давней знакомой. Предложила спонтанно:

— Переезжай в Италию! Я тебя заместителем возьму. С перспективой стать партнером.

— Нет, что ты! — испугалась та. И добавила не слишком уверенно: — У меня и дома... все хорошо.

Русские (себя Луиза уже таковой не считала) с удивительным упорством держатся за свои цепи. А ведь когда-то — много лет назад! — именно у подруги имелись все шансы преуспеть. Не то что у нее самой: нищей, закомплексованной девочки из глухой провинции.

...Люстры в золоченом, предвкушающем действо зале мигнули в третий раз — и свет мгновенно погас. В Ла Скала представление начинают вовремя, никаких поблажек для опоздавших.

— Опера на французском идет, — предупредила подругу Луиза.

— Да ты что! А я специально итальянский освежала! Надеюсь, что пойму хоть немного! — расстроилась та.

— Что поделаешь, Массне — композитор французский. А европейцы рьяно блюдут аутентичность, — объяснила Луиза.

И включила монитор с переводом.

— Удобно тут у вас. У нас над сценой слова пишут, — с легкой завистью вздохнула подруга.

— Зато у вас в Большом — роскошнее, — усмехнулась Луиза.

Отзвучала увертюра, раздвинулся занавес. Декорации действительно выглядели минималистски, если не сказать бедненько.

Но приятельница придираться (как любят русские) не стала.

Она смотрела на сцену, легонько постукивала по ручке кресла в такт божественной мелодии, и в глазах ее стояли слезы.

«Что же у нее случилось? Неужели несчастная любовь? В сорок-то с хвостиком?!» — подумала Луиза.

Когда-то они очень дружили, поверяли друг дружке самые сокровенные и страшные тайны. Но с тех пор минуло уже больше двадцати лет. Пути разошлись, жили они в разных странах и общались теперь совсем редко. Уже не потребуешь на правах надежнейшей confidentки: колись, мол, что с тобой. Немедленно!

Оставалось только ждать, что подруга сама расскажет.

...В антракте дамы пошли исполнять обязательный ритуал. Взяли кислого шампанского, очень соленых (но бесплатных!) печенюшек на закуску и уселись на мягкий диванчик болтать.

Луиза улыбнулась подруге:

— Ну, рассказывай! Как ты? Как в России?

— Все по-старому, — отозвалась та. — Работаю. Там же. Надоело уже — сил нет. Бросить бы, заниматься чистой наукой... Но кому она сейчас в нашей стране нужна?

— А личная жизнь? — осторожно поинтересовалась Луиза.

— Ох, разве мне до того! — отмахнулась подруга. И снова — перерезала ее лоб грустная складка.

Луиза не выдержала:

— Слушай, что у тебя стряслось?

— Нет-нет, все хорошо, — поспешно отозвалась приятельница.

Но в глазах ее вновь блеснули слезы.

Отвернулась, пробормотала:

— Прости. Что порчу тебе вечер. Мы же в оперу пришли. Наслаждаться, получать удовольствие!

— Прекрати, а? — слегка повысила голос Луиза. — Плевать на вечер, и на оперу тоже. Мы можем прямо сейчас уйти, сесть в баре и взять бутылку граппы. Немедленно рассказывай!

И подруга не выдержала:

— С Аленкой у меня проблема. Очень серьезная, — тихо произнесла она. — И я просто не знаю, что теперь делать.

Как врач и обещал, из клиники дочь вернулась домой.

— В школу отправлять ее не спешите, — напутствовал доктор. — И вообще — не дергайте. Пусть делает, что хочет.

Но девочка не хотела ничего. Сидела целыми днями у окошка, смотрела невидящим взглядом на улицу. И даже в тетрадке своей больше не писала.

— Аленка, давай сходим в кино! — теребила мать.

— Не хочу, — буркала в ответ дочь.

— Я купила вкусный торт к чаю...

И снова — равнодушный вопрос:

— Зачем?

Совсем за собой не следила, роскошные, медового цвета волосы сваялись, стали словно войлок. Включит мама телевизор — уставится в экран. Выключит — переведет взгляд на стену. И молчит. А ведь когда-то болтать могла без умолку. И смеяться. И бесконечно примерять наряды. Писала стихи, рисовала, сидела в чате, читала английские книжки, бегала на аэробику, краснела, когда получала эсэмэски от мальчишек, пела, танцевала. Жила полной жизнью. До того рокового дня, который перечеркнул их бытие надвое. На до — и после.

И оставлять все как есть было никак нельзя.

В этом мама не сомневалась.

Человека скучнее, чем его родительница, Сашка в мире не знал. Только два имелось у маман состояния: или работала, или занудствовала. И никаких, сколько он помнил себя, человеческих радостей не позволяла. Ни себе, ни сыну родному.

Она даже одевалась — глянешь, и от скуки аж зубы заломит. Кофточки блеклых расцветок, серые юбки, всегда одинаковая, бесформенная прическа. Что взять с училки! Мазер, многостаночница, преподавала у них в школе английский, русский и литературу. А еще бралась за переводы и даже чужие тексты перепечатывала, если находились охотники платить. Сашке казалось: в какое время ни выползи на кухню — хоть в два часа ночи, водички хлебнуть, хоть в семь утра, завтракать, — маменька вечно за столом горбится. То тетрадки школьные проверяет, то словарями обложится и переводит скучнейшую техническую заумь. Пока был маленький, еще пытался упросить ее порисовать с ним, поиграть, в салки побегать. И с раннего детства же запомнил: вечно укоряющий взор, недовольный тон:

— Саша, какие игры?! Мне нужно работать.

Однажды — уже подростком — не выдержал. Спросил:

— Слушай, ты вообще умеешь жизни радоваться, улыбаться хотя бы?!

Ждал, что разозлится, велит не задавать глупых вопросов, однако мать лишь вздохнула:

— Когда-то умела. Душой компании была.

— А почему разучилась?